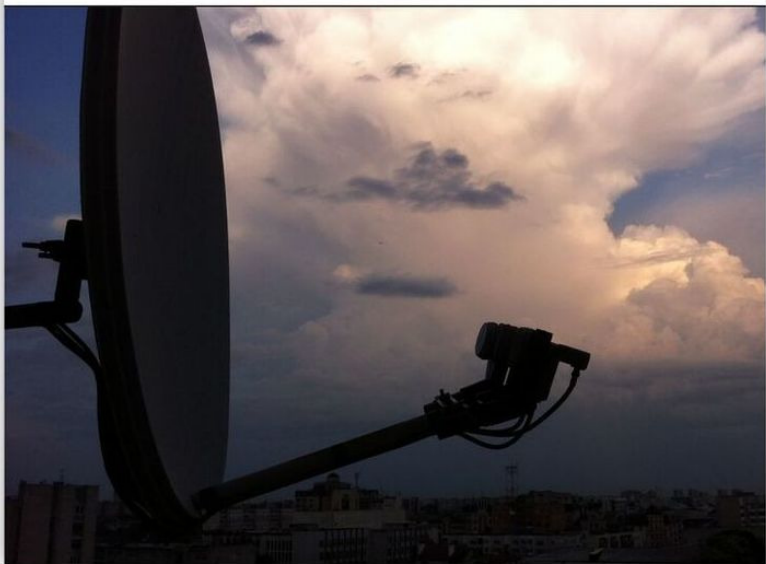

18+ Павел Ф. Гаммал

Второй сын

Сборник рассказов

Павел Ф. Гаммал
Второй сын. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521268

ISBN 9785447427764

Аннотация

Сборник рассказов и наблюдений из жизни простого обывателя, занятого постоянной борьбой собственного эго с общественной моралью.

Содержание

Валькина икона	5
Поколение некст	8
Соседи с нашего двора	10
Серёга рассудит	12
Камаз «Желание»	16
Обед у мамы	17
Иркины рассветы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Второй сын

Сборник рассказов

Павел Ф. Гаммал

© Павел Ф. Гаммал, 2019

ISBN 978-5-4474-2776-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валькина икона

– Ты опять не помыл посуду, – грустно констатировала Валька. – Я же просила.

– Так война ж, – Пётр суетливо запихивал свадебный костюм в потертый рюкзак.

– И что? – подбоченилась Валька. – В говне будем сидеть по уши?

– Валь, – Пётр покосился в сторону окна. – Не обострай.

– Здравствуйте, – громко ухнув прикладом автомата о дверь, в дом вошел здоровяк в камуфляже. – Убегаем?

– Не-е, – Пётр бросил рюкзак на пол. – В ополчение иду записываться.

– Правильно, – одобрил здоровяк. – Уважаю.

– Я те пойду, – Валька поднялась с табуретки. – Я те так пойду, что своих не узнаешь.

– Валь, – Пётр спрятался за спину здоровяка. – Постеснялась бы, здесь чужие люди, всё-таки.

– Где люди? – прищурилась Валя. – Ты откуда взялся такой гость?

– Местный я, – попятился здоровяк. – Из соседней области.

– А то ж, я по твоему акценту не слышу, из какой ты области, – Валя подняла табуретку, пристраивая ее половчее. – А ну, пошёл вон!

– Поттише, мамаша, – здоровяк вышел в коридор. – Я ведь и шмальнуть могу.

– Дома у себя шмальнёшь, – Валька опустила табуретку. – А ты посуду иди мой.

– Да, помою я, – Пётр вышел в кухню.

– Вот, как тут жить? – Валька подняла взгляд на икону в углу. – Мужа чуть не забрали в ополчение, сын в нацгвардии воюет. Что скажешь? Молчишь. Ты скажи, когда это кончится? Мало тебе, в отечественную отца моего с братом забрал? Так ещё надо и сына с мужем? Тебе что, мужиков там не хватает? Стройку, что ль, великую затеял? Петька всю жизнь каменщиком отпахал и Витьку научил ремеслу. Работали, не воровали. В церковь я каждое воскресенье хожу, да ты ведь знаешь. А то, что соседке денег не одалживаю, так она всё равно всё пропьёт, шалава. Сердце у меня ноет последнее время, всё больше по ночам. Порой, так схватит, хоть кричи. А боюсь, чтоб Петьку не разбудить – устает он на стройке своей. Пить стал крепче. За сына переживает. Слушай, а давай мы с тобой договоримся – меня забери, а Витьку оставь, ему ж ещё детей рожать. Ну, в смысле, невесте его. Да, ты не смотри, что я старая. Я ещё ого-го, как могу – и на стройке подсобницей, и корову подоить.

– Валь, ты с кем там? – крикнул Пётр из кухни.

Миномётная мина, специфически подвывая, пробила соломенную крышу, деревянный потолок и воткнулась в пол, прямо возле Валькиных ног.

– Спасибо, тебе, – кивнула Валька иконе.

– Не разорвалась, – шёпотом крикнул Пётр, вбегая в комнату. – Бежим!

Поколение некст

– Сидишь?

– Сижу.

– На улицу сходил бы, что ли? Все глаза проглядишь скоро в свой компьютер.

– Зачем?

– В магазин.

– А что я там не видел?

– Это ты в холодильнике не видел. Пельмени, например.

– Не начинай, Маш.

– Я те начну щас. Так начну, что своих не узнаешь.

– Ой, напугала. Боюсь-боюсь.

– Ты что, выпил? А ну, дыхни.

– Имею право! Конец рабочей недели.

– Витька! Смотри у меня, допьешься до белочки.

– Витя-а! Маша-а! – воспитательница кричала от двери. – Ерофеев, Пичугина! На выход, родители пришли!

– Как мой-то кушал сегодня? А вы мама Машеньки? Витька мой прямо бредит ею, как с садика приходит, только об ей и слышим.

Соседи с нашего двора

– Глаша, ты мои очки не видела? – Петрофанов пялился в немытое окно, выходящее в колодец питерского двора. – Гла-аш, ты слы-ишь?

В длинных коридорах коммуналки шелестело: «И-ишь, гла-ашь».

– Петрофанов! – скрипнула дверью Глаша. – Я же просила! Ну, сколько можно? Не кури в комнате!

– Меня сегодня вызывали в КГБ, – не оборачиваясь, буркнул Петрофанов. – По делу Гришакова.

– Петрофанов, – Глаша присела на кровать, прикрыв рот ладонью. – Ты же ни в чем не замешан? Или замешан?

– Глаш, – оторвался тот от унылого пейзажа. – На дворе семьдесят шестой год. Заметь, не тридцать седьмой.

– Смешно, – кивнула Глаша. – Можно подумать, что-то изменилось?

– Ну что там? – Валентина Петровна дернула мужа за рукав пижамы.

– Тише ты! – Михаил Андреевич оторвал ухо от банки, приставленной к стене соседской комнаты. – Он вводит ее в курс дела.

– Вводит он, – дернула плечом Валентина Петровна. – Ты все правильно написал?

– Да правильно, успокойся, – зашипел Михаил Андреевич. – И бумаги приложил, какие надо.

– Беспокоюсь я, – Валентина Петровна одернула юбку. – А вдруг их не выселят. Ирочке с мужем не всю жизнь в обще-то.

– Ты куда? – Михаил Андреевич грозно затопорщил усы.

– Пойду спрошу, может, помочь чем, по-соседски, – Валентина Петровна вышла в коридор. – Глашенька, вы дома?

Серёга рассудит

Весной 82-го мы закончили школу. Мы – это я, Витька и Серёга. У Витьки был «дипломат» из крокодиловой кожи, привезенный отцом из зарубежной служебной командировки, а у меня – коллекция дефицитных виниловых дисков. У Серёги не было ничего, кроме вечно больной матери, трех младших сестер и непрерываемого авторитета в виде пятилетнего стажа занятий в секции бокса.

– Что твой дипломат? – кипятился я на Витькиной кухне. – Будешь дипломат крутить на проигрывателе, когда телку приведешь?

– Дипломат, конечно, не покрутишь, – прихлебывал чай из щербатой кружки Витька. – Но, чтобы телку привести, ее сначала «снять» надо. А с дипломатом оно как-то посолидней, чем с пластиночками под мышкой.

– Серёга рассудит, – хлопал я по столу ладонью.

– Ага, – соглашался Витька.

Мы звонили Серёге. Он долго дышал в трубку, а потом выдавал: «В дипломат можно сложить диски и идти снимать телок вдвоем. Но, лучше бы было подъехать к ним на новеньких Жигулях».

Первым Жигуль купил я. Витька долго копил и через отца выбил Волгу.

– Витька впереди, – рассуждал в трубку Серёга. – Но, луч-

ше бы вы бизнесы свои пооткрывали. Там, говорят, секретарш можно завести...

Я открыл кооператив, а Витька ушел в райком комсомола.

– Витька проигрывает, – гундосил Серёга по громкой связи. – Секретарши своей нет, да и за границу еще не ездил.

Витька первым купил дом на Лазурном берегу. А я ездил по Москве на единственной пока Мазератти.

– Гоночная машина, конечно, круто, – ковырял вилкой в пасте Серёга. – Но, дом на берегу моря, да еще во Франции – это да! В общем, Витька вырывается вперед.

Когда я основал строительную компанию на Кипре, Витька прилетел ко мне на своем самолете вместе с Серёгой.

– Монументальненько освоил капитал, – язвил Серёга после третьего бокала вина. – И, главное, что получается – резиденцию какую пафосную выстроил на Пафосе – игра слов, понимаешь.

После трех часов совместной пьянки мы решили слетать с Витькой на его самолете в Москву за нашими одноклассниками, чтобы устроить, так сказать, вечер встречи выпускников. Серёгу не взяли – он уже перебрал. По дороге туда самолет попал в грозу и рухнул в море.

– Чё теперь? – Витька потрогал ладонью облако под собой.

– Отлетались, кажись, – огляделся я.

– А я, главное, только новую Теслу заказал, – вздохнул Витька. – Еще обкатать не успел.

– А я в следующем году планировал в космос полететь

туристом, – парировал я.

– А я, – начал горячиться Витька. – Договорился в Кремле кабинет арендовать под офис.

– А меня выдвинули на Нобелевку, – парировал я. – За достижения мои.

– Во, ты гонишь, – восхитился Витька.

– Серёга объявится, рассудит, – успокоил я его.

Камаз «Желание»

– Давай еще этот посмотрим, – Саня остановился у забора. – Нравится?

– Не-а, – зевнула Ирка. – Рядом с дорогой, летом – пыль в окна, осенью – грязь.

– И что? – вспыхнул Саня. – Целый день проездили – и ничего! То у дороги тебе не нравится, то у реки.

– Я в лесу хочу участок, Санечка, – потянулась Ирка. – В настоящем.

– В лесу-у? – протянул Саня. – Дороже будет, наверняка, да и с газом проблема. Хотя, я б тоже не отказался.

«Да, не вопрос!» – гроыхнул гром прямо над ними. КАМАЗ, не вписавшись в поворот, на полном ходу въехал в припаркованный на обочине автомобиль. И лежат теперь Саня с Иркой в одной могилке на родном деревенском кладбище под вековыми соснами.

Обед у мамы

– Чем ты думаешь? – мама в сердцах бросила половник в мойку. – Хотя, понятно чем. Конечно, ночная кукушка дневную перекукует.

– Мам, – Фёдор положил на хлеб кружок колбасы. – Я тут на досуге подумал...

– Подумал он, – мама поставила тарелку с грибным супом на стол. – Ешь. Небось, твоя-то не готовит?

– Знаешь, – Фёдор подул на суп в ложке. – Я создал свой бизнес и, заметь, немалый – работал, значит, головой. Дачу в Малаховке, если помнишь, выстроил с нуля сам – работал руками. Но лучшее, что я создал в жизни – это твой внук. А создавал я его чем? Вот так, как-то. Суп, кстати, очень вкусный.

Иркины рассветы

Ирка бегала всегда. Ну, во всяком случае, сколько себя помнила. Первое воспоминание о беге было довольно уни-
зительным. В девять Иркиных лет папа-военный заставил ее бежать кросс вместе с солдатами своего взвода. Маме, пы-
тавшейся успокоить плачущую дочь вечером, он объяснил необходимость совместного бега борьбой с лишним Ирки-
ным весом и социальной адаптацией последней в обществе. При этом как-то не брались в расчет нежелание бега, как
такового, и глупые подначки со стороны тяжело топающих кирзачами солдат. Зато, благодаря кроссу, Ирка познакоми-
лась со своим первым мужем. К финишу они пришли вместе. Бежать Ирка уже не могла, а толстый неуклюжий Олег с тру-
дом волочил ноги. Поднимая его за руку из послефинишной пыли, папа-военный перед строем зачитал Ирке с Олегом
приговор о том, что в военное время их двоих расстреля-
ли бы за невыполнение приказа. Ирке было страшно, но Олег взял ее за руку, и страх ушел. Взрослея, Ирка взяла за прави-
ло бегать по утрам. Постепенно Сахалинские сопки смени-
лись на казахские степи, Потсдамские тротуары плавно пе-
ретекали на набережную Москва-реки. Олег, к тому времени
уже два года как Иркин муж и преуспевающий девелопер,
построил для Ирки загородный дом, притащил туда щенка
лабрадора, посадил собственноручно карликовую сосну и за-

вел любовницу. Теперь Ирка бегала в лесу с собакой, оказавшейся очень компанейской. Это уже потом, после разрыва с Олегом, Ирка жаловалась на свою не сложившуюся жизнь не маме с папой, а Карлику – так было решено назвать собаку в честь посаженной Олегом сосны. Бегать одной по утрам было еще ничего, а вот спать одной никуда ни шло, и Ирка завела себе любовника. Артур плавно перетёк из аморфного состояния приходящего мужа в постоянно пребывающего. Папа-уже-на—пенсии-военный был против, но мама настояла, что девочке негоже быть одной в её-то возрасте, и он принял зятя. Зять оказался не промах – что-то мутил с золотом и алмазами и вскоре вся семья (включая папу-маму с одной стороны и папу-маму, прилетевших из Еревана, с другой) поселилась на Рублёвке. Жили дружно и счастливо. Ирка вместе с Карликом бегала каждое утро по дорожкам со специальным резиновым покрытием, как в Лужниках. Папа построил во дворе турник, а мама посадила розовые кусты. В январе Артур умер. Вскрытие показало сердечную недостаточность. Эту же недостаточность в своем сердце Ирка ощутила спустя неделю после похорон, налив до краев пузатый бокал армянским коньяком. Коньяк на вкус был чуть терпковатым, с привкусом губ Артура. «Цаватаним, – почудилось ей. – Джана». Слезы подкатили к горлу, сдавив спазмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.